

Глава 26. Праздные забавы

Цзя Лянь прекрасно понимал: семья Линь теперь на подъёме. На фоне угасающего дома Цзя они вырвались далеко вперёд, оставив родичей далеко позади. Чтобы выбиться в люди и занять достойное положение в обществе, ему во что бы то ни стало нужно было выбраться из столичной трясины. Но в одиночку справиться с этим казалось невозможным — требовалась сильная опора извне. И единственной надеждой оставалось семейство Линь.

Линь Жухай, выслушав отчаянную просьбу зятя, мысленно согласился с тем, что из всей столичной родни Цзя Лянь — пожалуй, единственный, в ком ещё осталась капля разума. И всё же торопиться с помощью не следовало. Памятуя о том, как когда-то он доверился не тем людям и отправил Дайюй в столицу, едва не погубив единственную дочь, Жухай стал гораздо осторожнее. К счастью, непоправимого не случилось, но горькая обида на дом Цзя всё ещё щемила сердце. Старик лишь тихо вздохнул.

Линь Лан отлично знал о легкомысленном и ветреном нраве двоюродного брата. Заметив, как тяжело повисло молчание в комнате, и понимая, что отец не спешит связывать себя обещаниями, он решил разрядить обстановку:

— Двоюродный брат, о делах мы ещё успеем поговорить. Для начала тебе не мешало бы избавиться от своей главной слабости — падкости до женских прелестей.

Цзя Лянь густо покраснел от смущения, но послушно закивал:

— Само собой! Обещаю, я обязательно исправлюсь.

Линь Жухай мысленно поблагодарил сына за то, что тот так ловко увёл разговор в сторону. Атмосфера потеплела, беседа потекла в более непринуждённом русле, и вскоре хозяин дома, по традиции пригубив чай, вежливо дал понять, что аудиенция окончена.

На следующее утро, едва рассвело, от пятого принца Ту И прибыл слуга с приглашением для Линь Лана. Молодой человек с радостью ухватился за эту возможность и поспешил уйти, предвкушая приятный отдых.

— Ваше Высочество? — Линь Лан приоткрыл дверь отдельного кабинета в чайном тереме и замер.

Ту И стоял у окна, задумчиво разглядывая суету раскинувшейся внизу улицы. Принц обернулся. Заметив, что Линь Лан собирается склониться в чинном поклоне, он поспешно остановил его взмахом руки:

— Пришёл наконец? Оставь церемонии, проходи и присаживайся.

Усевшись за низкий столик, Ту И собственноручно наполнил пиалу ароматным чаем и пододвинул гостю. Линь Лан вежливо пробормотал слова благодарности и принял пиалу. Он недовольно нахмурился:

— Мы не во дворце, к чему эта напускная почтительность? Неужели ты и с Четырнадцатым держишься столь же натянуто?

Сделав глоток, Линь Лан улыбнулся:

— Ну что вы, Четырнадцатый принц — натура на редкость непосредственная. Если бы я чинничал перед ним, мы бы вряд ли сошлись.

Ту И иронично вскинул бровь:

— Дружить с принцем крови? А ты, я гляжу, парень не из робких.

Поняв по тону принца, что тот ничуть не раздосадован, Линь Лан весело хмыкнул:

— Мы ведь соученики, изо дня в день бок о бок. Если постоянно возводить стены из этикета, то долго ли мы протянем?

— Значит, со мной ты церемонишься потому, что не желаешь водить дружбу? — вкрадчиво поинтересовался Ту И.

Уловив тень улыбки собеседника, Линь Лан негромко рассмеялся:

— Ну что вы, как можно! Скорее, я просто опасался прослыть излишне навязчивым. Вдруг Ваше Высочество сочтёт меня ветреником и не пожелает иметь со мной дела?

— Вот как? А я вовсе не против твоей... ветрености, — тихо произнёс Ту И.

Но едва договорив, принц мысленно обругал себя за несдержанность. Рядом с этим юношей он вечно терял самообладание и болтал лишнее.

Заметив секундное замешательство принца, Линь Лан лукаво прищурился:

— Похоже, я и впрямь заблуждался. Настоящий смутьян и вольнодумец здесь — вы, Ваше Высочество.

Ту И досадовал на собственную глупость, но, не зная, как сгладить неловкость, лишь напустил на себя суровый вид. Линь Лан же обожал подначивать людей, а уж молчаливая серьёзность

принца разжигала в нём поистине мальчишеский азарт. Жаль только, они были ещё недостаточно близки, чтобы дать волю языку и довести Его Высочество своими шутками до белого каления.

— Так по какому же делу Его Высочество соизволил позвать меня сегодня? — весело спросил Линь Лан, прикрыв рот кулаком, чтобы скрыть улыбку.

Ту И прямо взглянул на него:

— В тот день ты сам сказал, что мы ещё встретимся.

Линь Лан на мгновение лишился дара речи. До него не сразу дошло, что принц имеет в виду их разговор под сенью цветущих лагерстрёмий. Неужели Его Высочество принял дежурную вежливую фразу за чистую монету?

Увидев замешательство на лице гостя, Ту И укорил себя за излишнюю прямоту. Но не успел он и слова вымолвить, как Линь Лан тепло рассмеялся:

— Верно, я обещал встречу. Премного благодарен, что Ваше Высочество не забыли о моём обещании. И куда же мы сегодня отправимся?

Принц слегка отвернулся и сухо кашлянул:

— Я плохо знаю здешние края и не представляю, где ты ещё не бывал. Потому ничего конкретного не планировал.

Линь Лан удивлённо посмотрел, припоминая окрестности:

— Сказать по правде, все примечательные заведения в этих краях я исходил вдоль и поперёк...

На лице Ту И проступила едва заметная досада. Линь Лан поспешил исправить положение:

— Но вы-то, Ваше Высочество, наверняка многого не видели в наших краях!

— Мне подойдёт любое место, — отозвался принц. — К тому же завтра мы с Одиннадцатым братом уже возвращаемся в столицу.

И вновь он мысленно обругал себя. Дела государственной важности вполне могли подождать лишний день, но зачем-то он сам заговорил об отъезде.

— Вот оно как, — улыбнулся Линь Лан. — Что ж, раз время дорого, позвольте мне показать вам

те уголки, где я пропадал мальчишкой.

Ту И согласно кивнул:

— Договорились. Пообедаем здесь, а после двинемся в путь?

Разумеется, Линь Лан не стал возражать. После сытной трапезы и недолгого отдыха они покинули чайный терем и направились к реке.

Здесь, у самого русла, возвышался пологий травянистый холм. Мягкая зима Цзяннани пощадила зелень, и на склонах всё ещё топорщилась густая трава, исчерченная длинными, прямыми полосами — словно кто-то скатывался от самой вершины к подножию.

Линь Лан соскочил с седла и жестом пригласил принца подняться наверх. В молчании они преодолели подъём. Оказавшись на вершине, Линь Лан пошарил в кустах и выудил оттуда две гладкие сосновые дощечки. С весёлой улыбкой он протянул одну Ту И. Тот в недоумении уставился на кусок дерева. Тогда Линь Лан положил дощечку на траву и пояснил:

— У мальчишек в Гусу есть три любимые забавы. Первая — съезжать на таких досках с крутых склонов, а вторая — пускать по воде плоские камешки. Отец никогда не держал меня в строгости, так что мы с другими молодыми господами частенько сбегали сюда порезвиться. Надеюсь, Ваше Высочество не сочтёт подобное развлечение слишком грубым?

Окинув взглядом раскинувшиеся просторы, Ту И невольно представил, как маленький, непоседливый Линь Лан со смехом скатывается по этой траве. На душе стало непривычно легко.

— Пусть здесь нет величия древних храмов, зато чувствуется неповторимое очарование Цзяннани, — покачал головой принц.

Линь Лан мысленно поздравил себя: он так и знал, что принц не станет кривить нос. В искусстве разбираться в людях он оказался достойным учеником двух старых лисов — своего отца и учителя.

— И как же... на этом кататься? — поинтересовался Ту И, разглядывая сосновый брусок.

— Неужто Ваше Высочество желает испробовать? — лукаво прищурился Линь Лан.

Ту И действительно хотелось прикоснуться к нехитрым детским радостям своего спутника. Однако Линь Лан, рассудив, что царственному гостю негоже пачкать дорогие одежды и рисковать здоровьем, мягко возразил:

— Дерево старое, того и гляди треснет под ногами. Зачем нам лишние ушибы? Лучше пустим коней во весь опор прямо по склону, а у подножия займёмся блинчиками на воде. Как вам затея?

Принц понимал, что нелепо выглядел бы, летя кувырком с холма, и потому не стал настаивать. Но всё же с сомнением заметил:

— Хочешь сказать, скакать на всём скаку вниз менее опасно?

Слуга, бесшумно следовавший на отдалении, как раз подвёл скакунов. Приняв поводья, Линь Лан весело рассмеялся:

— Мой скакун — чистокровный хотанец, да и ваш ему под стать. К тому же косогор здесь пологий. Опасность грозит разве что совсем неумелому наезднику, но к нам это явно не относится.

Уверенность и задорный блеск в глазах Линь Лана отменили последние сомнения Ту И. Он кивнул. Линь Лан отметил про себя, что телохранители принца не посмели возразить господину ни единым словом. «А ведь Его Высочество держит слуг в железных рукавицах», — уважительно подумал он.

Они одновременно пришпорили коней. Ветер со свистом ударил в лицо, обжигая холодом — в этом яростном порыве почудилось суровое дыхание далёкого севера. Копыта выбивали влажную землю, кони летели вниз, неся всадников навстречу речному простору.

— Но-о! — крикнул Линь Лан, оборачиваясь в седле. — Ваше Высочество, не желаете помериться силами?

Азарт захватил и принца. Пригнувшись к гриве коня, он бросил на ходу:

— Чур, проиграешь — не реветь!

— Будто я дитя малое! — покатился со смеху Линь Лан. — А вот если уступите вы, Ваше Высочество, то будете прикрывать меня перед моим батюшкой!

— Идёт! — откликнулся Ту И.

Конь принца пересёк невидимую черту у кромки воды первым. Линь Лан отстал на полкорпуса, но ничуть не расстроился. Сдерживая разгорячённого скакуна, Ту И с интересом спросил:

— Твой отец и вправду так суров, что станет тебя наказывать?

Линь Лан весело прыснул:

— Неужели вы поверили? Да батюшка во мне души не чает, пальцем не тронет. Напротив, он только рад выставить меня за порог, лишь бы я не путался под ногами со своими шалостями!

Принц лишь покачал головой, окончательно уяснив, каков его спутник на самом деле. Так и норовит присочинить да поводить за нос ради забавы!

Линь Лан спрыгнул на землю и зашагал к воде, ведя коня на поводу:

— А теперь — блинчики! Тут уж я обязан взять реванш, не то позор мне как уроженцу здешних мест!

Ту И, искавший в этой поездке лишь покоя и отдыха от дворцовых интриг, охотно последовал за ним. Они подошли к пологому песчаному берегу, накинули поводья коней на прибрежные кусты и предоставили животным мирно щипать жухлую траву.

— Какие камни лучше брать? — спросил Ту И, оглядывая усыпанную галькой отмель.

Линь Лан уже сидел на корточках, перебирая гальку. Заслышав вопрос, он вскинул голову и хитро прищурился:

— Если я выдам вам все секреты мастерства, а вы снова меня обставите — куда мне тогда деваться от стыда?

Ту И едва заметно улыбнулся:

— А если одолеешь несведущего, разве это будет честная победа?

Линь Лан беззаботно хмыкнул:

— Победителей не судят! Но так и быть, сделаю скидку на то, что Его Высочество играет впервые. Слушайте внимательно.

Принц шутливо прижал кулак к ладони:

— Благодарю за науку, почтенный наставник.

— Вольно, вольно! — величаво махнул рукой Линь Лан, покатываясь со смеху. — Слушай же единственный урок своего учителя: ищи плоские, круглые и ровные со всех сторон голыши. А уж тяжесть подбирай под силу собственной руки.

Ту И последовал совету и тоже склонился к земле. Вскоре горсть подходящей гальки была собрана. Линь Лан бесцеремонно подоткнул подол дорогого халата, устроив подобие кармана для своих сокровищ. Гордый принц, разумеется, позволить себе подобного не мог и просто держал камни в ладони.

Заметив замешательство спутника, он кивнул на свой подол:

— Ссыпьте их ко мне, Ваше Высочество, у меня места вдоволь.

Ту И не заставил себя упрашивать. Набрав припасов, они подошли к самой кромке воды. Линь Лан размахнулся и заставил плоский сланец трижды прыгнуть по зеркальной глади. Принц оказался способным учеником — уже со второго броска его камень резво заплясал по воде. Началось состязание.

— Есть! На этот раз победа за мной! — восторженно завопил Линь Лан, чуть ли не пускаясь в пляс прямо на песке.

Ту И с мягкой улыбкой наблюдал за этим безудержным детским восторгом, напрочь лишённым светской чинности.

— С вами так просто, Ваше Высочество! — отсмеявшись, признался Линь Лан. — Мои столичные приятели из благородных семей непременно скорчили бы недовольные мины, начни я так дурачиться.

— Искреннее веселье трудно удержать в рамках приличий, — негромко заметил Ту И. — В этом нет греха.

— И то верно, — вздохнул Линь Лан. — Вот только молодые господа знатных семей обязаны каждым своим шагом крепить величие предков. Никаких вольностей.

— И тебе часто приходится... притворяться? — тихо спросил Ту И.

Линь Лан поспешно разгладил складки халата и оправил слегка растрепавшиеся волосы:

— Разумеется, нет! На людях я весьма степенен. Не дай бог батюшка прознает — хлопот не оберёшься.

— Понимаю, — отозвался Ту И.

Линь Лан обезоруживающе улыбнулся. Глядя на него, принц тоже невольно улыбнулся, а затем полюбопытствовал:

— К слову, ты ведь упомянул о трёх мальчишеских забавах Гусу. А какова третья?

Линь Лан никак не ожидал, что принц окажется столь памятьливым. Он мгновенно густо покраснел и, замявшись, пробормотал:

— О... Ну, как учил нас великий Конфуций: «Неподобающего — не говори...»

Заметив, как юноша смутился, Ту И понял, что затронул весьма щекотливую для благовоспитанного молодого человека тему, и великодушно решил не настаивать:

— Что ж, сумерки сгущаются. Пора возвращаться?

— И то верно, солнце уже садится, — с облегчением подхватил Линь Лан, бросив взгляд на багровеющий горизонт. — Едем обратно. А кстати, в какой час завтра отбывает ваш караван, Ваше Высочество?

Принц невольно обрадовался, но он сохранил полную невозмутимость:

— Неужели ты намерен проводить меня до заставы?

Линь Лан с сожалением покачал головой:

— Увы, не положено по этикету. Моё появление на официальных проводах члена императорской семьи сочтут неуместным.

Ту И и сам прекрасно понимал всю неловкость подобного шага, однако лёгкая тень разочарования всё же скользнула по его лицу. Заметив это, Линь Лан тепло добавил:

— Желаю Вашему Высочеству лёгкой дороги. До скорой встречи в столице!

— До встречи в столице, — твёрдо отозвался Ту И.

В город они въехали бок о бок. Линь Лан вызвался проводить принца до ворот почтовой станции. На улице уже окончательно стемнело, и Ту И, беспокоясь о безопасности своего спутника, выделил надёжных телохранителей, чтобы те сопровождали юношу до самого дома.

Увы, вернулся Линь Лан в самый неподходящий момент: у ворот поместья его повозка столкнулась с паланкином отца. Небо над головой беспечно повесы мгновенно затянуло грозowymi тучами.

Линь Жухай, разумеется, знал, с кем провёл день его сын, и не собирался расспрашивать о

подробностях встречи с принцем. Однако при виде растрёпанных волос и перепачканного травой халата Линь Лана — живого свидетельства весёлых бесчинств — почтенный родитель преисполнился праведного гнева. Вежливо и с улыбкой отпустив сопровождающих от Его Высочества, Жухай переступил порог дома, круто развернулся и, схватив подвернувшуюся под руку бамбуковую трость, бросился на сына.

— Батюшка, пощадите! — взвизгнул Линь Лан и принялся метаться по двору, уворачиваясь от ударов.

Жухай с грозным видом преследовал негодника, хотя, конечно же, больше шумел для порядка и наносить настоящие побои не собирался. Наконец из покоев выбежала Дайюй. Вцепившись в рукав отца, она умоляюще заглянула ему в глаза. Это дало разгневанному родителю достойный повод умерить пыл. Бросив трость, он грозно оглядел притихшего сына и вынес вердикт: в наказание за непочтительный вид переписать «Книгу обрядов» десять раз от корки до корки.

На следующее утро Линь Лан, как и обещал, не появился на пристани среди провожающих пятого принца.

В те же дни Линь Жухай отправил послание в столичное поместье Цзя. В письме сообщалось, что он временно задерживает Цзя Ляня в Гусу для помощи в неотложных семейных делах, из-за чего тот не успеет вернуться домой к празднованию Нового года. Старая госпожа Цзя-Ши, прослышав, что он вот-вот займёт высокий пост министра финансов в столице, приняла эту весть с крайним воодушевлением. Полагая, что зять ни о чём не догадывается и искренне желает помочь её внуку, Матриарх без колебаний благословила Цзя Ляня оставаться при семье Линь как можно дольше.

Ван Сифэн, хоть и тосковала по супругу в опустевших покоях, перечить воле Матриарха не смела. К тому же забот у неё хватало: едва удалось деликатно отклонить настойчивую просьбу из соседнего поместья Нинго принять под своё управление их домашние дела. Сифэн смирилась с долгим отсутствием мужа, однако проявила заботу: снарядила скорого гонца в Гусу, наказав доставить Цзя Ляню тёплые зимние одежды, меха и прочие необходимые в дороге вещи.

Получив сундук с заботливо собранными вещами, Цзя Лянь ощутил укол щемящей тоски по дому. Пусть они с Сифэн порой вздорили по пустякам, но жили в ладу и согласии. Проводя дни подле Линь Жухая, вникая в премудрости ведения государственных дел и наблюдая за укладом жизни хозяев поместья, он открыл для себя много нового. Глядя на то, с какой трогательной нежностью Линь Лан опекает младшую сестру Дайюй, стремясь порадовать её каждым пустяком, он невольно вспомнил собственную сестру Инчунь и супругу. Чувство глубокого раскаяния за прошлые прегрешения и холодность защемило сердце. «Вернусь в столицу — из кожи вон лезть буду, и сделаю их счастливыми», — твёрдо пообещал он себе.